

УДК 344.22

DOI: 10.25688/2076-9113.2022.46.2.01

А. П. Грахоцкий

Гомельский государственный университет им. Франциска Скорины, Гомель, Республика Беларусь

E-mail: grahotsky@gsu.by

ЗАГАДКИ СУДЕБНОГО ПРОЦЕССА В ГАННОВЕРЕ: ПОДСУДИМЫЙ ФРАНЦ ВИРТ И РАССТРЕЛ ЕВРЕЕВ В РАЙОНЕ КРУПОК

Аннотация. В статье рассматривается попытка правоохранительных органов ФРГ расследовать преступления, совершенные нацистами в 1942 году в белорусских деревнях Обчуга и Ухвала Крупского района Минской области. По делу об организации расстрела еврейского населения этих деревень в 1964 году был задержан бывший член айнзатккоманды 8 Франц Вирт. Автором поставлена цель на примере дела Ф. Вирта с помощью исторического метода раскрыть специфику западногерманских судебных процессов против преступников, совершавших свои злодеяния на территории СССР. Опираясь на концептуальные подходы немецких ученых, призванные минимизировать наказания для нацистских преступников, суд присяжных в Ганновере приговорил бывшего карателя к 2 годам тюрьмы. Автор приходит к выводу, что приговор, вынесенный Ф. Вирту, демонстрировал пренебрежение к памяти о жертвах Холокоста, указывал на то, что органы немецкого правосудия не были заинтересованы в восстановлении справедливости и наказании нацистских преступников.

Ключевые слова: судебный процесс; расследование; правосудие; нацистские преступники; Франц Вирт; приговор; наказание.

Введение

На официальной церемонии открытия «Кристалльной стены плача», состоявшейся в Мемориальном центре Холокоста «Бабий Яр» 6 октября 2021 года, президент ФРГ Франк-Вальтер Штайнмайер задался вопросом: кто сегодня в Германии знает о Холокосте в Киеве, Одессе, Бердичеве, Черновцах, Мизоче и многих других местах? Далее политик резюмировал: «Все эти города не имеют надлежащего места в наших воспоминаниях». С уверенностью можно утверждать, что это заявление немецкого президента можно распространить и на сотни больших и малых городов Украины, Белоруссии, Литвы, Латвии и оккупированных нацистами районов России, которые стали эпицентром так называемого Холокоста от пуль [16; 24].

Ф.-В. Штайнмайер отметил, что катастрофа европейских евреев началась не с фабрик смерти в Аушвице, Трешлинке, Собиборе и Майданеке, трагедия разразилась в лесах, на окраинах городов и сел бывшего Советского Союза, где преступники из айнзатцгрупп, формирований СС, СД, полиции и подразделений вермахта расстреливали еврейских женщин, мужчин, стариков и детей.

Сегодня принципиально важным является стремление увековечить имя каждого еврея, уничтоженного в годы Холокоста. Не менее значимыми представляются попытки установить личности и привлечь к ответственности преступников, совершивших беспрецедентный в истории человечества геноцид. Уголовное преследование бывших нацистов в Германии продолжается по сей день [9; 21, S. 197–198]. Так, 7 октября 2021 года перед судом в г. Нойруппен предстал 100-летний Йозеф Ф., охранник концентрационного лагеря Заксенхаузен. Подсудимый обвиняется в сознательном и добровольном соучастии в убийствах более 3500 заключенных.

В данной статье рассматривается попытка правоохранительных органов ФРГ расследовать два конкретных преступления, совершенных нацистами в белорусских деревнях Обчуга и Ухвала Крупского района Минской области. По делу об организации расстрела еврейского населения этих деревень был задержан в 1964 году бывший член айнзатцкоманды 8 Франц Вирт. Автором поставлена цель: на примере дела Ф. Вирта раскрыть специфику западногерманских судебных процессов против преступников, совершавших свои злодеяния на территории Советского Союза.

Основное исследование

Холокост в Крупском районе. Массовое уничтожение евреев, проживавших в Крупках и окрестных населенных пунктах, началось осенью 1941 года. На территории района действовало одно из карательных подразделений айнзатцкоманды 8. Преступники на постоянной основе размещались в Борисове и отвечали за поиск и ликвидацию «врагов Третьего рейха» в радиусе 60 км

от города. С июля по конец сентября 1941 года подразделением руководил Вернер Шенеман [25, S. 43].

18 сентября 1941 года каратели во главе с В. Шенеманом при поддержке военнослужащих 3-го батальона 354-го пехотного полка вермахта уничтожили еврейскую общину Крупок. Более 900 евреев были расстреляны вблизи города, в двух торфяных ямах на заболоченном берегу реки Стражница [11, p. 87–116]. Данное злодеяние являлось центральным пунктом обвинения на уголовном процессе против В. Шенемана. Судебное разбирательство проходило в 1964 году в Кельне. Преступник был признан виновным в пособничестве убийствам как минимум 2170 евреев и приговорен к 6 годам лишения свободы [15, S. 165, 170–178, 183].

Кроме того, в сентябре 1941 года члены айнзатцкоманды 8 провели расстрелы еврейского населения в городском поселке Холопеничи (822 жертвы) и деревне Шамки (около 800 убитых) [18, S. 586]. В октябре преступники уничтожили 961 еврея в поселке Бобр [7].

В начале 1942 года экзекуции продолжило подразделение айнзатцкоманды 8 под руководством Вильгельма Деринга. Каратели осуществляли рейды по деревням в поисках уцелевших евреев. Некоторые подробности преступлений В. Деринга в Крупском районе стали известны в ходе судебного процесса, состоявшегося в 1962 году в Бонне. В результате этого судебного разбирательства В. Деринг был признан виновным в пособничестве тяжким убийствам 187 человек и приговорен к 6 годам тюрьмы. Однако Верховный суд ФРГ отменил решение первой инстанции. В 1964 году в Бонне состоялся новый процесс, по итогам которого Деринг получил 4 года лишения свободы [4].

Среди прочего В. Дерингу вменялась в вину организация расстрела евреев в деревне неподалеку от городского поселка Холопеничи, а также в двух деревнях, расположенных в районе Крупок [13, S. 712–715, 718]. В ходе следствия обвиняемый заявлял, что, для того чтобы избежать участия в расстрелах евреев, его подразделение стремилось сконцентрироваться на борьбе с партизанами. В феврале 1942 года в штаб Деринга поступила информация о том, что одна из деревень неподалеку от Холопеничей стала опорным пунктом партизан. При поддержке роты солдат вермахта и местных полицейских члены айнзатцкоманды 8 вошли в деревню. Один из жителей деревни заметил карателей и бросился бежать. Нацисты открыли огонь. По словам подсудимого, раздавшиеся выстрелы стали для партизан сигналом к бегству. В итоге каратели не нашли ни одного народного мстителя, однако «обнаружили», что в центре поселения проживают евреи. Обвиняемый обсудил сложившуюся ситуацию с командиром роты и пришел к выводу, что у него нет другого выхода, кроме как приступить к расстрелу евреев. На окраине деревни с помощью взрывного вещества солдаты подготовили могилу, к которой и привели жертв. Около 50 или 60 еврейских мужчин и женщин были убиты выстрелами в затылок [Там же, S. 714].

Затем в марте 1942 года В. Деринг получил приказ командира айнзатцкоманды 8 Отто Брадфиша уничтожить еврейское население в двух деревнях,

одна из которых была расположена севернее, а другая — южнее Крупок. Обе деревни находились на расстоянии примерно 60 км от Борисова. Обвиняемый заявлял, что постоянно откладывал выполнение данного приказа, так как начавшаяся оттепель сделала подступы к деревням непроходимыми. Однако, когда распоряжение О. Брадфиша поступило повторно, В. Деринг решил направить в деревню севернее Крупок автомобиль с тремя своими подчиненными. Среди последних был гауптшарфюрер Франц Вирт и переводчик Дык. Им надлежало проверить, являются ли дороги к деревням проходимыми [13, S. 714].

Ф. Вирт выступил на судебном процессе в Бонне в качестве свидетеля. По словам Вирта, каратели с трудом добрались до места назначения. Для того чтобы им не пришлось повторно пробираться в глухую местность, преступники решили в тот же день провести расстрел местных евреев. По возвращении в Борисов Ф. Вирт отчитался перед Дерингом о расстреле 15 евреев. На следующий день в том же составе каратели отправились в деревню южнее Крупок. Прибыв туда, преступники расстреляли около 15 еврейских жителей [Там же, S. 714]. Обстоятельства, открывшиеся в ходе судебного процесса против В. Деринга, привели к аресту Ф. Вирта.

Ф. Вирт родился в 1902 году в городе Бернбург (земля Саксония-Анхальт). В 1920 году он получил профессию типографщика. Однако уже в 1921 году Вирт поступил на службу в вооруженные силы Германии, где прослужил 12 лет и получил звание унтер-офицера. В 1934 году Вирт перешел на работу в полицию. Еще через 6 лет подсудимый был переведен в гестапо. В мае 1941 года он был направлен в г. Дюбен, где осуществлялась подготовка будущих членов айнзатцкоманд. Летом 1941 года обвиняемый оказался на территории Советского Союза. Ф. Вирт служил в подразделении под руководством В. Деринга [14, S. 535–536]. До января 1942 года каратели находились в Рославле, затем — в Борисове (январь – май 1942 года) и Клинцах (по апрель 1943 года) [Там же, S. 541].

В марте 1943 года Вирт вернулся на родину, там он служил в гестапо города Дессау. Незадолго до капитуляции Германии он попал в американский плен. Однако вскоре был передан в советскую зону оккупации, где преступнику удалось получить новый паспорт с вымышленными датой и местом рождения. Это удостоверение личности Ф. Вирт использовал вплоть до момента задержания в 1964 году [Там же, S. 536].

С конца 1945 по 1947 год бывший нацист проживал в районе Зальцведеля, где занимался сельским хозяйством. Затем ему удалось перебраться в Западную Германию. Ф. Вирт получил работу на предприятии по производству муки в Данненберге. В 1953 году из Германской Демократической Республики (ГДР) к подсудимому переехали его супруга и трое детей. Семья поселилась в Ганновере. До 1964 года Вирт занимался типографской деятельностью. После того как на преступника было заведено уголовное дело, у бывшего карателя случился инфаркт и обнаружился диабет. В связи с болезнью Ф. Вирт был признан неспособным к участию в следственных действиях. Только в 1968 году ввиду

заметного улучшения состояния здоровья обвиняемого прокуратура Ганновера продолжила расследование уголовного дела [Там же, S. 536].

Судебный процесс против Ф. Вирта начался в Ганновере в апреле 1969 года. В вину подсудимому вменялось участие весной 1942 года в расстрелах еврейского населения в двух деревнях, расположенных неподалеку от города Крупки [Там же, S. 542–544].

Картина произошедшего в этих деревнях Крупского района, восстановленная ганноверскими правоохранителями, несколько отличалась от той, что была представлена на процессе по обвинению В. Деринга в 1962 году. Во-первых, изменилась информация относительно времени совершения преступления. Если в ходе судебного разбирательства в Бонне отмечалось, что расстрелы проводились в марте 1942 года, то на процессе в Ганновере речь шла о весне 1942 года. Следственные органы подчеркивали, что установить точную дату экзекуций не представлялось возможным [Там же, S. 542]. Во-вторых, на суде в Ганновере упоминался третий соучастник преступлений. Обвиняемый Вирт заявил, что вместе с ним и переводчиком Дыком в упомянутые деревни был направлен некий фельдфебель одной из частей вермахта. Подсудимый затруднился вспомнить фамилию военнослужащего. По словам Ф. Вирта, в распоряжении унтер-офицера находился военный автомобиль повышенной проходимости Volkswagen Тур 82 (так называемый кубельваген). Узнав о том, что перед карателями стоит задача добраться до двух труднодоступных деревень, фельдфебель предложил командиру подразделения свою помощь [14, S. 542]. В-третьих, подсудимый Ф. Вирт уже не упоминал о том, что В. Деринг поручал ему лишь проверить проходимость дорог. На процессе в Ганновере обвиняемый заявлял, что от командира подразделения поступил четкий приказ добраться до деревень и уничтожить находившихся там евреев [Там же]. В-четвертых, в ходе следствия по делу Ф. Вирта увеличилось число жертв расстрелов. Если на суде в Бонне фигурировали данные о 30 убитых (по 15 человек в каждом из поселений), то в Ганновере речь шла уже о 40 расстрелянных [Там же, S. 543].

Согласно показаниям подсудимого, сначала преступники направились в деревню, расположенную примерно в 20 километрах на север от Крупок. Там в одном или двух домах, обнесенных колючей проволокой, проживали порядка 20 евреев. По прибытии в населенный пункт каратели встретились с офицером одной из частей вермахта, которая квартировалась неподалеку, и местным бургомистром. Последние пообещали Ф. Вирту полную поддержку при проведении акции уничтожения. Вместе с бургомистром и переводчиком обвиняемый направился в лес, где нацисты выбрали место для экзекуции. После чего солдаты и полиция выгнали евреев из домов и пригнали на казнь. В глубине соснового леса подсудимый указал на овраг, который и послужил могилой. Жертв укладывали лицом вниз и расстреливали из ружей. Убийства продолжались около получаса. Затем Ф. Вирт приказал коллаборантам прикопать трупы. К вечеру каратели вернулись в Борисов [Там же].

По словам обвиняемого, в один из ближайших дней в том же составе они совершили поездку в деревню, расположенную южнее Крупок. В этом населенном пункте также существовало небольшое гетто. При помощи солдат вермахта и местных полицаев каратели вывели около 20 еврейских женщин и пожилых мужчин в лес и расстреляли их [14, S. 543–544].

В ходе судебного разбирательства сторона обвинения доказывала, что двумя неизвестными поселениями в Крупском районе являлись деревни Обчуга и Ухвала [Там же, S. 544–545]. Эти белорусские деревни действительно подходили под описание населенных пунктов, о которых говорил подсудимый. Оба поселка находились на расстоянии в 20–30 километров от Крупок: Обуга была расположена на севере от райцентра, Ухвала — на юге. Весной 1942 года здесь были расстрелы еврейского населения. Память о трагических событиях увековечена в мемориалах. На обелиске в Обчуге указано, что 5 мая 1942 года нацисты убили 440 еврейских жителей деревни [6]. Согласно информации, размещенной на памятнике в Ухвале, расстрел местных евреев состоялся в марте 1942 года, в ходе экзекуции было убито 150 человек. Однако жительница деревни Р. Е. Лившиц, которой удалось спастись от расстрела, в своих воспоминаниях отмечает, что трагедия в Ухвале произошла в мае 1942 года [8].

Во время процесса состоялся выезд членов суда в Белорусскую ССР. Представители немецкого правосудия посетили предполагаемые места преступления, провели допросы свидетелей [14, S. 544]. В результате была собрана следующая информация о нацистских злодеяниях в Обчуге и Ухвале. Согласно показаниям жителей Обчуги, осенью 1941 года в деревне было создано гетто. Местных евреев, а также евреев из окрестных поселений, разместили в 3 или 4 домах по улице Луговская. Местность обнесли колючей проволокой. Весной 1942 года, предположительно в первые дни мая, в 5 часов утра бургомистр деревни вызвал к себе нескольких крестьян. В сопровождении немецкого офицера, который говорил на русском языке и был одет в кожаный плащ, сельчане отправились в сторону кладбища. Позже к ним присоединились еще два немца, вооруженных автоматами. По словам свидетелей, они впервые видели этих нацистов у себя в деревне, никто из них не принадлежал к располагавшемуся в Обчуге гарнизону вермахта. На пригорке между сосновыми деревьями каратели приказали местным жителям выкопать две могилы размером 4 на 4 метра [14, S. 544–545].

Затем в районе 8 часов утра немецкие солдаты совместно с местными полицаями начали выгонять евреев из домов. Жертв гнали березовыми прутьями. По пути преступники убили двух стариков, которые не могли самостоятельно передвигаться. На месте казни евреев разделили на две группы: в первую попали мужчины, во вторую — женщины и дети. Для каждой из групп была подготовлена отдельная могила. Перед смертью жертвам надлежало раздеться до нижнего белья. Экзекуция длилась около 3 часов. Согласно показаниям свидетелей, расстрел осуществляли немцы, полицаи охраняли местность. Крестьянам было приказано закопать могилы. Свидетели Мац., Кук. и Пас.

заявили: от полицейав им стало известно, что акцию уничтожения проводили каратели из Борисова [Там же, S. 545].

Кроме того, жительница деревни Обчуга Сал. в ходе допроса отметила, что один из полицейав рассказывал ей о расстреле евреев. Ссылаясь на слова коллаборанта, женщина указала, что экзекуцией руководил начальник по фамилии Мирт или Вирт. Полицай характеризовал последнего как «человека, беспощадного к русским, коммунистам и евреям». Далее свидетель Сал. добавила: «Приехал ли он из Крупок, я не знаю. Жил ли он там или нет, этого я тоже не знаю. Но я знаю, что по его приказу расстреляли людей. Это было в 1942 году. Эту фамилию Мирт или Вирт я слышала в 1942 году, когда еврейское население собирали на расстрел» [Там же, S. 549].

Свидетели Обц. и Пас., принимавшие участие в подготовке могил, описали внешность трех карателей, прибывших в деревню. По словам свидетелей, преступник в кожаном плаще был среднего возраста, несколько старше, чем его подчиненные. На фуражке карателя был изображен череп с перекрещенными костями, что указывало на принадлежность нациста к СС и айнзатцкоманде. Описанное свидетелями телосложение преступника в целом соответствовало комплекции подсудимого. Однако мужчины заявили, что спустя 27 лет после трагедии они не могут с уверенностью утверждать, что именно Ф. Вирт является тем самым нацистом в кожаном плаще [14, S. 549].

Относительно расстрела в Ухвале в распоряжении суда были показания лишь одного свидетеля Лив. Вероятно, этим свидетелем являлась Лариса Ефимовна Лившиц. В ходе допроса Лариса Ефимовна указала, что в деревне было расстреляно около 60 еврейских женщин, детей и стариков. По ее словам, работоспособные еврейские мужчины были уничтожены еще осенью 1941 года. Женщины, старики и дети проживали в гетто. Нацисты использовали женский труд для обслуживания гарнизона вермахта. Л. Е. Лившиц отметила, что каратели были одеты в маскировочные костюмы, прибыли они в Ухвалу со стороны города Березино [Там же, S. 544–545].

Оценив показания свидетелей, судьи пришли к выводу, что в их распоряжении нет достаточных доказательств, для того чтобы признать Ф. Вирта виновным в организации расстрелов еврейского населения деревень Обчуга и Ухвала [Там же, S. 550].

Во-первых, судьи усомнились в объективности показаний свидетеля Сал., которая назвала фамилию подсудимого. Членов суда насторожило то, что только данный свидетель смогла вспомнить фамилию организатора расстрела в Обчуге. По мнению присяжных, на слуху у местного населения мог быть командир подразделения В. Деринг, но никак не член его команды Ф. Вирт [Там же, S. 549].

Во-вторых, представители правосудия обратили внимание на свидетельские показания, согласно которым каратель в кожаном плаще говорил по-русски. Ф. Вирт утверждал, что не владеет русским языком [Там же, S. 549]. Тот факт, что на русском языке говорил переводчик Дык, присяжные проигнорировали.

В-третьих, судьи указывали на то, что, по словам белорусских сельчан, расстрелы евреев проводились в мае. Но сам обвиняемый говорил, что экзекуции были организованы в период оттепели. Как было установлено в ходе следствия, в 1942 году оттепель наблюдалась в апреле [14, S. 547].

В-четвертых, служители Фемиды отметили, что место преступления в Обчуге действительно имело сходство с местностью, описанной подсудимым. Однако далее судьи заключили: сосновые леса с возвышенностями и оврагами являлись типичным ландшафтом для Белоруссии [Там же].

В-пятых, члены суда допустили, что расстрелы в Обчуге и Ухвале могли быть совершены членами айнзатцкоманды 9, штаб которой располагался в Витебске. Один из бывших членов данной айнзатцкоманды, выступавший на процессе в качестве свидетеля, подтвердил, что ему были известны случаи, когда каратели из Витебска организовывали экзекуции на территории, подконтрольной подразделению В. Деринга. В частности, свидетель Ка. заявил, что именно айнзатцкоманда 9 провела массовые расстрелы евреев в Березино и Червене 31 января – 1 февраля 1942 года [14, S. 547]. Нужно отметить, что показания Ка. не соответствовали действительности. Как указал в своем исследовании Х. Герлах, вышеуказанные экзекуции были проведены одним из подразделений айнзатцкоманды 8 (вероятнее всего, это была группа В. Деринга): в Березино каратели расстреляли 962 еврея, в Червене — 1342 [18, S. 684].

В-шестых, судьи предположили, что организаторами расстрелов в Обчуге и Ухвале могли быть подразделения полевой жандармерии или охранной полиции (так называемые шупо). На процессе выступал бывший служащий местной комендатуры г. Крупки Кре. Последний утверждал, что весной и летом 1942 года полевая жандармерия неоднократно проводила расстрелы евреев в окрестностях Крупок. Также свидетель Бра., унтер-офицер одной из санитарных частей вермахта, заявил, что весной 1942 года он являлся очевидцем расстрела 25 евреев в лесном массиве на северо-востоке от Крупок. По словам Бра., расстрел проводили служащие охранной полиции [14, S. 548].

В-седьмых, опираясь на показания В. Деринга и других свидетелей из числа бывших членов айнзатцкоманды 8, судьи отметили, что подразделение Деринга при проведении акций уничтожения никогда не разделяло жертв по половому признаку, мужчин и женщин преступники расстреливали в общей могиле. Кроме того, суд усомнился в том, что для реализации таких масштабных экзекуций В. Деринг направил только трех карателей. По словам свидетелей, обычно в массовых расстрелах принимали участие все члены подразделения [Там же, S. 550]. Однако, как видно из материалов дела, Ф. Вирт не испытывал недостатка в помощниках: в преступлениях были задействованы военнослужащие вермахта и местные полицаи.

Анализ свидетельских показаний позволяет сделать следующий вывод. Информация, представленная суду гражданами БССР, в целом подтверждала причастность Ф. Вирта к расстрелам в Обчуге и Ухвале. В свою очередь, немецкие свидетели говорили об обратном. Подобная ситуация являлась типичной

для процессов против нацистских преступников, свидетели из числа сослуживцев обвиняемого, как правило, стремились поддержать своего товарища (см., например, [3, с. 73–74]). В итоге судьи решили ориентироваться на показания самого подсудимого. Члены суда подчеркнули, что у них «не было оснований не доверять» Ф. Вирту: если бы обвиняемый был причастен к преступлениям в Обчуге и Ухвале, то он рассказал бы об этом суду [14, S. 550]. Таким образом, подсудимый был признан виновным в пособничестве убийствам 40 еврейских жителей двух неизвестных деревень в Крупском районе [Там же, S. 563].

Судьи не приняли во внимание тот факт, что Ф. Вирт существенным образом изменил свои показания. Как отмечалось выше, на Боннском процессе по делу В. Деринга преступник заявлял, что от командира подразделения ему поступил приказ выяснить, доступна ли в условиях оттепели дорога к двум сельским населенным пунктам. По словам Вирта, каратели совершили расстрелы по собственной инициативе, чтобы исключить необходимость повторного приезда в деревни [13, S. 714]. Фактически своими показаниями Ф. Вирт снимал ответственность с бывшего командира.

Однако, оказавшись под следствием, Вирт осознал, что его показания будут интерпретированы судом как эксцесс исполнителя: обвиняемый совершил деяние, не охваченное умыслом приказодателя. В соответствии с немецким уголовным законодательством лицо, которое совершило преступление по собственной воле и при этом преследовало личный интерес, признавалось исполнителем преступления [22, S. 638]. Для исполнителя тяжкого убийства Уголовный кодекс ФРГ предусматривал пожизненный срок лишения свободы [1, с. 16–17]. В таких условиях обвиняемый заявил, что от В. Деринга он получил приказ расстрелять еврейских жителей двух деревень. При этом Ф. Вирт подчеркивал, что приказ командира подразделения был обусловлен волей высшего руководства Третьего рейха и айнзатцкоманда 8 реализовывала планы фюрера «по окончательному решению еврейского вопроса» [14, S. 536–539, 552–555, 559].

Как ни странно, судьи не задались вопросом, чем была вызвана смена показаний подсудимого. Суд пришел к выводу, что обвиняемый являлся не исполнителем, а лишь пособником вменяемых ему преступлений: при проведении расстрелов еврейского населения Ф. Вирт не преследовал личных целей, он лишь выполнял приказ начальства [Там же, S. 563]. Далее члены суда заключили: для подсудимого приказы фюрера имели «священный характер», за годы службы в вермахте, полиции и гестапо обвиняемый был приучен к «безукоризненной покорности», в своих действиях преступник руководствовался «чувством долга», он не мог и помыслить о возможности отказа от выполнения приказов Гитлера [Там же, S. 559–560].

В данном случае судьи опирались на концепцию известного немецкого историка Ганса Бухгейма. Последний являлся одним из соавторов знаменитого двухтомника «Анатомия государства СС» [12]. В 1963–1965 годах Г. Бухгейм был задействован в качестве эксперта на Франкфуртском процессе против

преступников лагеря смерти Аушвиц [23]. В своих экспертных заключениях ученый обращал внимание на специфику восприятия членами СС приказов А. Гитлера. Историк считал, что власть фюрера над структурами СС базировалась не на нормах позитивного права, а на «добровольном идеологическом консенсусе», подразумевавшем «безукоризненную покорность» эсэсовцев. Соответственно, приказы Гитлера, отданные членам айнзатцкоманд, персоналу концентрационных лагерей и лагерей смерти, носили «мировоззренческий» характер: их легитимность обуславливалась не нормами национального законодательства, а «законами истории». По словам Г. Бухгейма, членам СС было присуще «временное неправовое сознание», они осознанно и добровольно выполняли преступные приказы «во имя реализации священной цели» — «служения фюреру, нации и Рейху» [10, S. 471–474]. Исходя из этого, представители правосудия ФРГ отмечали, что приверженность идеологии национал-социализма свидетельствовала об «идеологическом помутнении сознания» преступника и признавалась обстоятельством, смягчающим вину подсудимого [17, S. 328–406; 20].

Концепция Г. Бухгейма получила свое развитие в трудах ученого-криминалиста Эрнста-Вальтера Ханака. Правовед предлагал немецким судьям отделять нацистских преступников от общей массы «нормальных уголовников». Основаниями для такого разграничения Э.-В. Ханак называл «особые социально-психологические причины», которые вынуждали бывших нацистов совершать свои злодеяния. По мнению автора, преступники, которые были вынуждены выполнять приказы фюрера, заслуживали назначения наказания ниже низшего предела [10, S. 480; 19, S. 59–61].

Суд присяжных в Ганновере последовал логике Г. Бухгейма и Э.-В. Ханака: подсудимому Ф. Вирту было назначено наказание ниже низшего предела. В соответствии с уголовным законодательством ФРГ за пособничество тяжкому убийству предусматривалось наказание в виде лишения свободы на срок не менее 3 лет [2, с. 275]. Ф. Вирт был приговорен к 2 годам лишения свободы [14, S. 565]. Стоит отметить, что приговор Вирту не являлся досадным исключением. По подсчетам Б. Немер, из 97 бывших членов айнзатцкоманд, представших пред судом в ФРГ в 1960–1970-е годы, 72 преступника (около 70 %) получили от 1 до 5 лет лишения свободы [22, S. 646–647].

Текст судебного приговора был наполнен сочувственными сентенциями по отношению к Ф. Вирту. Судьи отмечали, что до войны и после ее окончания обвиняемый вел законопослушный образ жизни, лишь общественно-политические условия, в которых оказался Вирт, привели к тому, что подсудимый «был вынужден» пойти на совершение преступлений, у него не было «ни сил, ни смелости», для того чтобы отказаться от выполнения приказов начальства. Присяжные высказали уверенность, что 67-летний тяжелобольной пенсионер, который проживал в скромных условиях со своей больной супругой, не представлял угрозы для немецкого общества, он был «глубоко подавлен», «стремился к покою» и «желал разобраться со своим прошлым» [14, S. 565]. Члены

суда отметили, что число жертв преступлений Ф. Вирта (40 евреев) не должно повлиять на меру наказания, так как количество расстрелянных «не зависело от воли подсудимого» [Там же, S. 564].

Выводы

Судебный процесс в Ганновере продемонстрировал сложности расследования правоохранительными органами ФРГ нацистских преступлений, совершенных на территории бывшего Советского Союза. В ходе судебного разбирательства так и не удалось до конца выяснить, принимал ли участие подсудимый Ф. Вирт в массовых расстрелах еврейского населения в деревнях Обчуга и Ухвала.

Свидетели из числа сослуживцев обвиняемого стремились оправдать своего товарища. Показания же белорусских свидетелей позволяли сделать вывод о причастности Ф. Вирта к экзекуциям в вышеупомянутых населенных пунктах. Однако к свидетельствам граждан Советского Союза немецкие суды относились скептически. Представители правосудия ФРГ считали, что свидетели из стран социалистического лагеря являлись идеологически zaangażированными людьми, а сказанное ими было продиктовано кураторами из советских спецслужб [5, с. 150–151]. Сам же обвиняемый неоднократно менял свои показания, и данный факт свидетельствует о том, что Ф. Вирт не был заинтересован в установлении правды.

Однако с полной уверенностью можно утверждать, что Ф. Вирт был напрямую причастен к организации Холокоста в Крупском районе. По вине преступника были убиты по меньшей мере 40 ни в чем не повинных еврейских женщин, мужчин, стариков и детей. Более того, в ходе следствия по делу Ф. Вирта было выяснено, что преступник, находившийся в составе айзатцкоманды 8 почти 2 года, был причастен к двум расстрелам евреев в Минске и как минимум к одной экзекуции в Борисове [14, S. 542]. Однако по непонятным причинам данные факты так и не вошли в обвинительное заключение.

В итоге суд присяжных в Ганновере, опираясь на концептуальные подходы немецких ученых, призванные минимизировать наказания для нацистских преступников, приговорил бывшего карателя к 2 годам тюрьмы. В тексте судебного приговора Ф. Вирт предстал жертвой гитлеровского режима. Судьи выражали сочувствие тяжелобольному пенсионеру, который «волей судьбы» был вынужден выполнять преступные приказы фюрера. Подобного сочувствия к жертвам преступлений Ф. Вирта служители немецкой Фемиды не выразили. Судебный процесс не оправдал надежд родственников и односельчан расстрелянных евреев. Выводы суда о преступных деяниях подсудимого демонстрировали пренебрежение к памяти о жертвах Холокоста, указывали на то, что органы немецкого правосудия в 1960–1970-е годы не были заинтересованы в восстановлении справедливости и наказании нацистских преступников.

Литература

1. Аистов Л. С., Краев Д. Ю. Уголовное право зарубежных стран. СПб.: СПЮИ (ф-л) Академии Ген. прокуратуры РФ, 2013. 132 с.
2. Алексеев Н. С. Злодеяния и возмездие: преступления против человечества. М.: Юрид. лит., 1986. 400 с.
3. Грахоцкий А. П. Место преступления — деревня Круча: правосудие ФРГ, «незапятнанный» вермахт и Холокост // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2020. № 2. С. 64–79.
4. Грахоцкий А. П. Процесс против Вильгельма Деринга: «общественный интерес» и расстрел душевнобольных детей в Шумячах // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 1. С. 11–22.
5. Грахоцкий А. П. Франкфуртский процесс (1963–1965 гг.) и преодоление прошлого в Германии // Lex Russica. 2019. № 3. С. 146–158.
6. Скумс А. Время тяжелейших испытаний // Мое местечко: проект «Голоса еврейских местечек. Минская область». URL: http://shtetle.com/shtetls_minsk/obchuga/obchuga.html (дата обращения: 10.09.2021).
7. Смиловицкий Л. По следам еврейских кладбищ Беларуси. Бобр // Журнал-газета «Мастерская». URL: <https://club.berkovich-zametki.com/?p=47772> (дата обращения: 07.07.2021).
8. Шульман А. В Ухвале должен быть памятник // Мое местечко: проект «Голоса еврейских местечек. Минская область». URL: http://shtetle.com/shtetls_minsk/uhvaly/uhvaly.html (дата обращения: 11.05.2021).
9. Andreadis-Papadimitriou P. Assistance in Mass Murder under Systems of Ill-treatment. The Case of Oskar Gröning // Journal of International Criminal Justice. 2017. Vol. 15, iss. 1. P. 157–174.
10. Beeker M. «Führerbefehl» und «suspendiertes Unrechtsbewusstsein»? Das zeitgeschichtliche Gutachten Hans Buchheims im Auschwitz-Prozess und seine strafrechtswissenschaftliche Rezeption // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. 2016. Vol. 64, iss. 5. S. 464–483.
11. Beorn W. W. Genocide in a Small Place: Wehrmacht Complicity in Killing the Jews of Krupki, 1941 // Holocaust Studies. A Journal of Culture and History. 2010. Vol. 16, iss. 1–2. P. 97–128.
12. Buchheim H. Anatomie des SS-Staates. Band I. Die SS — Das Herrschaftsinstrument. Befehl und Gehorsam. Olten: Walter-Verlag, 1965. 390 S.
13. Das Urteil des Landgerichts Bonn vom 19.02.1964, 8 Ks 2/62 // Justiz und NS-Verbrechen. Sammlung deutscher Strafurteile wegen nationalsozialistischer Tötungsverbrechen. 1945–1966. Band XIX. Amsterdam, 1978. № 564. S. 704–727.
14. Das Urteil des Landgerichts Hannover vom 01.04.1970, 2 Ks 2/68 // Justiz und NS-Verbrechen. Sammlung deutscher Strafurteile wegen nationalsozialistischer Tötungsverbrechen. 1945–1999. Band XXXIII. Amsterdam, 2004. № 727. S. 533–566.
15. Das Urteil des Landgerichts Köln vom 12.05.1964, 24 Ks 1/63 // Justiz und NS-Verbrechen. Sammlung deutscher Strafurteile wegen nationalsozialistischer Tötungsverbrechen. 1945–1966. Band XX. Amsterdam, 1979. № 573. S. 163–184.
16. Desbois P. The Holocaust by Bullets: A Priest's Journey to Uncover the Truth Behind the Murder of 1,5 Million Jews. New York: St. Martin's Griffin, 2008. 234 p.

17. Freudiger K. Die juristische Aufarbeitung von NS-Verbrechen. Tübingen: Mohr Siebeck, 2002. 444 S.
18. Gerlach Ch. Kalkulierte Morde. Die deutsche Wirtschafts- und Vernichtungspolitik in Weißrussland 1941 bis 1944. Hamburg: Hamburger Ed., 1999. 1231 S.
19. Hanak E.-W. Zur Problematik der gerechten Bestrafung nationalsozialistischer Gewaltverbrecher. Tübingen: Mohr, 1967. 61 S.
20. Jäger H. Das Problem des Unrechtsbewusstseins // Rechtliche und politische Aspekte der NS-Verbrecherprozesse / Hg. P. Schneider, F. Bauer. Mainz: Johannes-Gutenberg-Univ., 1968. S. 50–61.
21. Jasch H.-Ch., Kaiser W. Der Holocaust vor deutschen Gerichten: Amnestieren, Verdrängen, Bestrafen. Ditzingen: Reclam, 2017. 263 S.
22. Nehmer B. Die Täter als Gehilfen? Zur Ahndung von Einsatzgruppenverbrechen // Die juristische Aufarbeitung des Unrechts-Staats / Hg. T. Blanke. Baden-Baden: Nomos-Verl.-Ges., 1998. S. 635–668.
23. Pendas D. O. Der Auschwitz-Prozess. Völkermord vor Gericht. München: Siedler Verlag, 2013. 431 S.
24. Reus A. «Holocaust by bullets» The German organization of mass murder in Belarus, 1941–1944 // Occupation, Annihilation, Forced Labour: Papers from the 20th Workshop on the History and Memory of National Socialist Concentration Camps / ed. by Frédéric Bonnesoeur. Berlin: Metropol, 2017. P. 22–55.
25. Ullrich Ch. «Ich fühl' — mich nicht als Mörder»: die Integration von NS-Tätern in die Nachkriegsgesellschaft. Darmstadt: WBG, 2011. 354 S.

Literatura

1. Aistov L. S., Kraev D. Yu. Ugolovnoe pravo zarubezhny`x stran. SPb.: SPYuI (f-l) Akademii Gen. prokuratury` RF, 2013. 132 s.
2. Alekseev N. S. Zlodeyaniya i vozmezdnie: prestupleniya protiv chelovechestva. M.: Yurid. lit., 1986. 400 s.
3. Graxoczkiy A. P. Mesto prestupleniya — derevnya Krucha: pravosudie FRG, «nezapyatnanny`j» vermacht i Xolokost // Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel`stva i sravnitel`nogo pravovedeniya. 2020. № 2. S. 64–79.
4. Graxoczkiy A. P. Process protiv Vil`gel`ma Deringa: «obshhestvenny`j interes» i rasstrel dushevnobol`ny`x detej v Shumyachax // Aktual`ny`e problemy` rossijskogo prava. 2021. № 1. S. 11–22.
5. Graxoczkiy A. P. Frankfurtskij process (1963–1965 gg.) i preodolenie proshlogo v Germanii // Lex Russica. 2019. № 3. S. 146–158.
6. Skums A. Vremya tyazhelejshix ispy`tanij // Moe mestechno: proekt «Golosa evrejskix mestecek. Minskaya oblast`». URL: http://shtetle.com/shtetls_minsk/obchuga/obchuga.html (data obrashheniya: 10.09.2021).
7. Smiloviczkij L. Po sledam evrejskix kladbishh Belarusi. Bobr // Zhurnal-gazeta «Masterskaya». URL: <https://club.berkovich-zametki.com/?p=47772> (data obrashheniya: 07.07.2021).
8. Shul`man A. V Uxvale dolzhen by`t` pamyatnik // Moe mestechno: proekt «Golosa evrejskix mestecek. Minskaya oblast`». URL: http://shtetle.com/shtetls_minsk/uhvaly/uhvaly.html (data obrashheniya: 11.05.2021).

9. Andreadis-Papadimitriou P. Assistance in Mass Murder under Systems of Ill-treatment. The Case of Oskar Gröning // *Journal of International Criminal Justice*. 2017. Vol. 15, iss. 1. P. 157–174.
10. Beeker M. «Führerbefehl» und «suspendiertes Unrechtsbewusstsein»? Das zeitgeschichtliche Gutachten Hans Buchheims im Auschwitz-Prozess und seine strafrechtswissenschaftliche Rezeption // *Zeitschrift für Geschichtswissenschaft*. 2016. Vol. 64, iss. 5. S. 464–483.
11. Beorn W. W. Genocide in a Small Place: Wehrmacht Complicity in Killing the Jews of Krupki, 1941 // *Holocaust Studies. A Journal of Culture and History*. 2010. Vol. 16, iss. 1–2. P. 97–128.
12. Buchheim H. Anatomie des SS-Staates. Band I. Die SS — Das Herrschaftsinstrument. Befehl und Gehorsam. Olten: Walter-Verlag, 1965. 390 S.
13. Das Urteil des Landgerichts Bonn vom 19.02.1964, 8 Ks 2/62 // *Justiz und NS-Verbrechen. Sammlung deutscher Strafurteile wegen nationalsozialistischer Tötungsverbrechen*. 1945–1966. Band XIX. Amsterdam, 1978. № 564. S. 704–727.
14. Das Urteil des Landgerichts Hannover vom 01.04.1970, 2 Ks 2/68 // *Justiz und NS-Verbrechen. Sammlung deutscher Strafurteile wegen nationalsozialistischer Tötungsverbrechen*. 1945–1999. Band XXXIII. Amsterdam, 2004. № 727. S. 533–566.
15. Das Urteil des Landgerichts Köln vom 12.05.1964, 24 Ks 1/63 // *Justiz und NS-Verbrechen. Sammlung deutscher Strafurteile wegen nationalsozialistischer Tötungsverbrechen*. 1945–1966. Band XX. Amsterdam, 1979. № 573. S. 163–184.
16. Desbois P. *The Holocaust by Bullets: A Priest's Journey to Uncover the Truth Behind the Murder of 1,5 Million Jews*. New York: St. Martin's Griffin, 2008. 234 p.
17. Freudiger K. *Die juristische Aufarbeitung von NS-Verbrechen*. Tübingen: Mohr Siebeck, 2002. 444 S.
18. Gerlach Ch. *Kalkulierte Morde. Die deutsche Wirtschafts- und Vernichtungspolitik in Weißrussland 1941 bis 1944*. Hamburg: Hamburger Ed., 1999. 1231 S.
19. Hanak E.-W. *Zur Problematik der gerechten Bestrafung nationalsozialistischer Gewaltverbrecher*. Tübingen: Mohr, 1967. 61 S.
20. Jäger H. *Das Problem des Unrechtsbewusstseins // Rechtliche und politische Aspekte der NS-Verbrecherprozesse / Hg. P. Schneider, F. Bauer*. Mainz: Johannes-Gutenberg-Univ., 1968. S. 50–61.
21. Jasch H.-Ch., Kaiser W. *Der Holocaust vor deutschen Gerichten: Amnestieren, Verdrängen, Bestrafen*. Ditzingen: Reclam, 2017. 263 S.
22. Nehmer B. *Die Täter als Gehilfen? Zur Ahndung von Einsatzgruppenverbrechen // Die juristische Aufarbeitung des Unrechts-Staats / Hg. T. Blanke*. Baden-Baden: Nomos-Verl.-Ges., 1998. S. 635–668.
23. Pendas D. O. *Der Auschwitz-Prozess. Völkermord vor Gericht*. München: Siedler Verlag, 2013. 431 S.
24. Reus A. «Holocaust by bullets» The German organization of mass murder in Belarus, 1941–1944 // *Occupation, Annihilation, Forced Labour: Papers from the 20th Workshop on the History and Memory of National Socialist Concentration Camps / ed. by Frédéric Bonnesoeur*. Berlin: Metropol, 2017. P. 22–55.
25. Ullrich Ch. «Ich fühl' — mich nicht als Mörder»: die Integration von NS-Tätern in die Nachkriegsgesellschaft. Darmstadt: WBG, 2011. 354 S.

A. P. Grahotsky

**MYSTERIES OF THE HANNOVER TRIAL:
DEFENDANT FRANZ WIRTH AND THE EXECUTION
OF JEWS IN KRUPOK DISTRICT**

Abstract. The article discusses the attempt of law enforcement agencies of Germany to investigate the crimes committed by the Nazis in 1942 in the Belarusian villages of Obchuga and Ukhvala, Krupsky district, Minsk region. Franz Wirth, a former member of Einsatzkommando 8, was detained in 1964 in connection with the organization of the execution of the Jewish population of these villages. Using the case of F. Wirth as an example, the author set a goal, using the historical method, to reveal the specifics of West German trials against criminals who committed their atrocities in the territory of the USSR. Based on the conceptual approaches of German scientists, designed to minimize punishment for Nazi criminals, a jury in Hannover sentenced the former punisher to 2 years in prison. The conclusions of the court on the criminal acts of F. Wirth demonstrated disregard for the memory of the victims of the Holocaust, indicated that the German justice authorities were not interested in restoring justice and punishing Nazi criminals.

Keywords: trial; investigation; Nazi criminals; Franz Wirth, punishment.

Статья поступила в редакцию: 15.01.2022;
одобрена после рецензирования: 30.01.2022;
принята к публикации: 15.02.2022.

The article was submitted: 15.01.2022;
approved after reviewing: 30.01.2022;
accepted for publication: 15.02.2022.